

Свобода информации в Нижегородской области

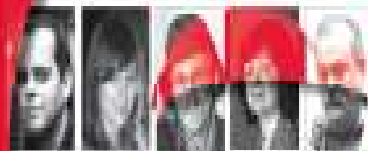
НИЖНИЙ НОВГОРОД

1004 010/2004

Классификация информации

Иванов Иван Иванович	Петров Петр Петрович	Сидоров Сергей Сергеевич	Смирнов Станислав Станиславович	Соколов Станислав Станиславович
----------------------	----------------------	--------------------------	---------------------------------	---------------------------------

Толкачев Тимур Тимурович	Трофимов Трофим Трофимович	Ульянов Ульянов Ульянов	Федотов Федот Федотович	Харьков Харитон Харитонович
--------------------------	----------------------------	-------------------------	-------------------------	-----------------------------

Цыганов Цыганов Цыганов	Чайков Чайков Чайков	Шаров Шаров Шаров	Шевцов Шевцов Шевцов	Щербинин Щербинин Щербинин
-------------------------	----------------------	-------------------	----------------------	----------------------------

1004 010/2004

Кирилл КОЗЛОВ

Родился в 1984 году в Ленинграде. Окончил Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств по специальности «искусствоведение».

Историк искусства, поэт, публицист. Руководитель благотворительного проекта «Диалоги литературных поколений». Лауреат независимой литературной премии им. Бориса Корнилова «На встречу дня!»

Член Союза писателей России. Живет в Санкт-Петербурге.

«ПОД ЗОЛОТОЙ ОБИТЕЛЬЮ НЕБЕС...»

О книге Андрея Шацкого «Первозимье». М.: Вест-Консалтинг, 2017

Начать отчего-то хочется с фразы, которая сильно напомнит акции по привлечению народонаселения к тем или иным проблемам. Каждый день в России выходит энное количество поэтических сборников (книг, антологий и др.)...

Боюсь даже предположить, сколько, чтоб не сокрушаться по поводу собственных скромных возможностей и наличия в сутках всего-навсего двадцати четырех часов. Чем больше выходит, тем лучше, поскольку закон перехода количества в качество никто не отменял. К тому же бумажная промышленность у нас работает прекрасно, как выразилась героиня Алисы Фрейндлих в известной советской кинокомедии. К тому же можно всячески пропиарить дорогое сердцу детище в Интернете, наивно радуясь каждой похвале и репосту. Других «к тому же» наберется ещё десять-двадцать...

Но теперь необходимо уточнить: у каждой выходящей в России книги стихотворений есть индивидуальный коэффициент полезного действия. И чем выше он окажется, тем больше пользы принесут сочинения для духовно-нравственного развития читателя. Каждый сборник известного российского поэта Андрея Шацкого можно отнести к жизненно необходимым для приобретения, поскольку обращаться к нему вы будете, смею предположить, регулярно и с увядающим интересом.

Что ж, подобные предположения требуют весомых аргументов, хотя написание данного эссе вовсе не предполагало (и не могло предполагать) банального прославления и без того титулованного, не обделенного вниманием Шацкого. Речь идёт о проникновении в текст, в его магию, посему для затравки об авторе скажет нам человек, размышляющий о поэтах всю сознательную жизнь. Это литературовед Лев Ан-

нинский: «В поколении послевоенных мальчиков, которым довелось надеть красные галстуки и тотчас попасть в лавину анекдотов о героях революции, а потом дышать воздухом неверных оттепелей и мучительно искать своё место в позднесоветской реальности, готовясь сбежать хоть в сторожа и дворники от конвульсий накренившейся системы, — в этом поколении Андрей Шацков чуть не единственный сразу и прочно нашупал путь. Родившийся в последний год сталинской эпохи, выросший в перепаханном войной Подмосковье, он расслышал магическую музыку в самом имени своей малой Родины, в административном имени района — Рузский. И музыке не изменил».

Итак, точка отсчёта — Москва златоглавая. Вернее — Подмосковье, названная малой Родиной Руза. Отсюда начинаются поиски всего *русского* со свойственной молодости творческой ненасытностью. Хочется проникнуть в тайны, надышаться воздухом свободы, одолеть врагов, которые ещё не повержены и нахально грозят славянам. Шацков — на коне, в образе доблестного воина, защитника Отечества. Таким его увидел первый наставник Валентин Берестов и благословил на тяжелейший путь сохранения национальной веры.

Обретение поэзии происходит довольно рано, с радостью, гордостью, упоением. С полной уверенностью в том, что сил предостаточно и в прошлое сгонять (ордынцев порубить), и в настоящем покутить-повеселиться, и будущее достойно выстроить. А затем появляется — нет, не разочарование! — осознание вполне себе земного, противоречивого, *человеческого* пути, где не только сказочный Соловей-Разбойник бродит, а благообразные товарищи пострашнее. Ощущение ледящего страха, что не получится ровным счётом ничего — вот здесь поэзия начинает мешать, а исключить из уравнения, избавиться от неё никоим образом невозможно. Чем всё это закончилось, нам уже сказал Лев Аннинский. Шацков выстрадал, выстоял, поэзии не изменил.

Вот почему я позволил себе рекомендовать «Первозимье» уважаемому читателю. При заявленном возвращении во времена Куликовской битвы, способном обескуражить любого современника, нет, поверьте, более жизненной и более глубокой книги о каждом из нас. Поэтом явлена *респота* — истина по-древнерусски. Это отнюдь не формальное желание в очередной раз систематизировать в стихах церковно-славянскую информацию. Не романтическое самолюбование с примесью столичного снобизма. Это — «вспыхнут разом тысячи свечей», прольются реки крови, прозвонят сотни колоколов в память о невернувшихся и во здравие живущих. Это — настоящая вселенская симфония, созданная Андреем Шацковым, кавалером ордена Преподобного Сергия Радонежского...

«Первозимье» имеет определенную автором структуру. Первый раздел носит название «Усталые снега»; далее — поиск *респоты* и она самая, обнаруженная почти под занавес. А что же в конце? Раздел «Реквием» — посвящения ушедшим родным людям, осмысление их судеб, сбывшихся и несбывшихся надежд. Поэту не требовалось специально выдумывать возвращение к «снежной теме», поскольку в одном из стихотворений памяти поэта Владимира Фирсова (1937–2011) уже прозвучало страшное: «И чёрные идут, идут снега. / А белые — не выпросить у Бога!» Оставалось собрать силы воедино для того, чтобы продирижировать реквием, а сделать это было нечеловечески трудно. Прошедший високосный год отнял у поэта старшего сына Дмитрия. Трагедия, постигшая семью, стала жестокой проверкой поэта на прочность...

Владимир Фирсов, получивший благословение Твардовского, оказал существенное влияние на Андрея Шацкого и однажды сказал так: «В последнее время слова: “Россия”, “Русь” несколько потускнели от расхожего употребления. Каждый второй автор стучит себя кулаком в грудь, декларируя любовь к Отчизне. Причем, чем меньше таланта, тем громче крики и стуки... Настоящая любовь шума не переносит. Лирический шепот может скорее достигнуть, замученных криком, ушей слушателей... Именно на переломе двух прошлых веков цвела поэзия Серебряного века, к последним осколкам которой я причисляю творчество Андрея Шацкого».

Пожалуй, нужно остановиться и прокомментировать. Во-первых, совершенно справедливо отмечено повсеместное лицемерие, попытки влезть в ряды истинных патриотов, за счёт которых, глядишь, что-то перепадет! Верно сказано про любовь, не переносящую шума. Именно поэтому блистательным, но излишне бурлескным поэтам сложно донести простейшую мысль и приходилось продолжать, как Вознесенский, конструировать почти бредовые нагромождения.

Что же касается Серебряного века, подумаем, как нам правильнее идентифицировать Шацкого. Нет ни малейших сомнений, что оттолкнулся он от есенинской первоосновы: пьянящий воздух свободы, русскость, грешная действительность и молитвенная просветленность одновременно. Второй корифей – Александр Блок. Пожалуй, нет другого поэта, которого максимально и с нескрываемым удовольствием цитирует Шацкий, прорисовывая орнамент стиха. Частенько прослеживается неприступная гордость Гумилева и восхищение эстетикой имперского офицерства, объяснимое весьма просто. Имеется родство с Рудневыми, так что память о крейсере «Варяг» у Шацкого в крови! Наконец, не нужно обладать литературоведческой проницательностью, чтоб увидеть тонкие настроения Марины Цветаевой. Подытожим: соглашаемся ли с Владимиром Ивановичем Фирсовым, назвавшим Шацкого «осколком» обозначенной эпохи? Да, вполне! Особенно если учитывать тот факт, что Шацкий – представитель поколения «послевоенных мальчиков, которым довелось надеть красные галстуки», но практически никаких признаков поэзии соцреализма в его произведениях не наблюдается.

Не побоимся вернуться к Есенину и увидеть ещё одно трогательное сходство. «Спи, мой друг, не веря Новогодью. / Жизнь прошла, остался маскарад...» – вы не ошиблись, это обращение к животному, охраняющему жилище. Спит, «настороживши ухо, / Будто, вправду, слушает меня». Расшифруем описанную ситуацию. Снег, с которого всё начиналось, коронует наступление Нового года. Снег несет волшебство всему мирозданию, но вместе с тем держит в постоянном напряжении. Единственной защитой выступает любимая собака, поскольку поэт вкусил в полной мере коварство рода человеческого. «Ты лежишь в её пустынном кресле...» А кресло-то – мамино! Вот необходимая связь и наивысшая степень доверия, барьер против предательства.

Любой известный нам вид искусства сложно представить без постоянной подпитки новыми впечатлениями. Андрей Шацкий принадлежит к категории поэтов гастролирующих и путешествующих. Это разные понятия. Гастроли (жаль, теперь безгонорарные) – в рамках возглавляемого им ежегодного литературно-просветительского проекта «День поэзии – XXI век», а путешествия – вне протокола, больше для уединения. И то и другое позволило поэту повидать множество удивительных уголков необъятной Родины. «Как много в России загадочных мест...» –

так программно начинается стихотворение, посвященное Владыке Дмитрию, митрополиту Тобольскому и Тюменскому, написанное после пребывания в тех далеких краях. Шацков всегда и везде, вспоминаем, в поисках своей *ресноты*...

Книга «Первозимье» отражает географию реальных авторских перемещений. Вот родина Есенина – село Константиново. Вот Брянщина – музей-заповедник Тютчева в Овстуге. Вот даже «Аэродромная элегия», навеянная посещением Минеральных Вод, вояжем по лермонтовским местам. Не сомневаюсь – доберется Андрей Шацков и до Нижнего Новгорода (впрочем, судя по стихотворению «В день Успенья» уже добрался), посетит областной музей прекрасного советского поэта Бориса Корнилова, ибо сделал много для сохранения памяти о нём. Но Андрей Владиславович оставляет и другие, не менее значительные метки. В некоторых его стихах звучат мотивы восстания декабристов, цепочки исторических событий до и после. Интересно вспомнить о том, что Иван Анненков (1802–1878) после ссылки в Сибири поселился в Нижнем Новгороде со своей супругой Полиной Гёбль (1800–1876). Древнерусский город стал для них местом жительства более чем на два десятилетия и последним пристанищем.

Весьма разочаровывает лишь позиционирование книги как итоговой, завершающей. Это вызвано указанной в заметке недавней потерей старшего сына. Такие раны не заживают. И не найдется слов залечить. Но истинные поэты обречены жертвовать собой, оставляя Слово, Соучастие, Свет...